

ЭВОЛЮЦИЯ: ВЕКТОР И ТРАЕКТОРИИ

© 2016

А.А. Пелипенко

Состояние эволюционного дискурса в науках о Культуре — проблематичное, чтобы не сказать тупиковое. Зонтичные термины “прогресс”, “развитие” и даже “эволюция” основательно дискредитированы, и не только нестрогим и произвольным их употреблением, но и содержательно: пасьянс факторного анализа никак не хочет складываться в ясную и “правильную” картину магистрального эволюционного движения. Какой бы принцип (фактор) не брался за основу эволюционной динамики, его реализация у разных народов и в разные эпохи выглядит необъяснимо своеобразной; универсальных корреляций и непрерывных кумулятивных линий не прослеживается.

Что же до самих “фундаментальных факторов”, которые пытались класть в основу линейных схем эволюционной динамики, будь то принцип возрастания свободы (Гегель), смена общественно-экономических формаций (Маркс), усложнение форм политической организации (Э. Сервис, М. Салинз и др.), смена форм лидерства, “нарастания гуманизма” и т.д., — ни один из них не смог возвыситься над пестрым набором противоречий культурного бытия, охватить их собой и подчинить жесткой функциональной или хотя бы коррелятивной связи. Такие “слишком человеческие” измерения, как производительность труда, продолжительность жизни и социальное равноправие, на протяжении почти всей человеческой истории демонстрируют, как отмечалось в литературе, общую долгосрочную тенденцию к падению, хотя и с нередкими и исключительно значимыми для последующей эволюции “попятными движениями”. Перелом этой тенденции произошел достаточно поздно и лишь в рамках западноевропейской цивилизации и только впоследствии распространился на большую часть мира. Иными словами, ни продолжительность жизни, ни социальное равноправие, ни производительность труда, ни модернизаторски понимаемый моральный прогресс, ни, добавим от себя, уровень абстрактно понимаемой свободы, технологичес-

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

**Пелипенко
Андрей
Анатольевич** —
доктор культурологи-
и. Независимый
исследователь
(Москва). Посто-
янный автор
журнала. E-mail:
demoped@yandex.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

кой оснащенности или “качества жизни” не являются ни показателями общей эволюционной направленности, ни даже ее устойчивым эпифеноменом.

Похоже, если мы хотим понять сущность эволюции вообще и эволюции человека, общества и Культуры в особенности, нам придется отказаться от некоторых устоявшихся психологических стереотипов. И прежде всего от представления о магистральном эволюционировании как о чем-то естественно-императивном, предопределенном, само собой разумеющемся и потому, не нуждающемся в специальных объяснениях: развивается потому, что должно развиваться, возникает потому, что не могло не возникнуть, и так далее. В силу такой аберрации вертикальные эволюционные “прорывы” представляются одной сплошной прогрессией поступательного развития, которая вмещается всему сущему в качестве общей нормы, а регресс, стагнация, архаизация и иные формы рецессивного исторического движения, во-первых, рассматриваются как отклонение от правила, во-вторых, недооцениваются в своем значении, и, в третьих, как следствие, вытесняются на периферию исследовательских интересов.

Второй стереотип, от которого необходимо отказаться, связан со стойким заблуждением, что системные эволюционные изменения должны рано или поздно охватить *все* формы и структуры.

Законы эволюции нельзя понять вне дифференциации горизонтального и вертикального направлений. Под горизонтальным эволюционированием понимаются изменения, ведущие к *адаптации и специализации* форм, тогда как эволюционирование вертикальное¹ нацелено на внутрисистемные и кроссистемные ароморфозы, цель которых — достижение качественно нового уровня проявления глобальных эволюционных векторов (далее — ГЭВ). Векторы эти обнаруживают себя в неуклонной кумуляции таких параметров, как *сложность, дифференцированность, плотность эволюционного фронта и субъектность*. Пока развитие идет в рамках общей онтологии системы, речь идет об эволюционировании горизонтальном. Когда же эти рамки оказываются узки, над материнской системой надстраивается дочерняя. Так, в биосистеме горизонтальное эволюционирование может связываться с широко понимаемым принципом естественного отбора, условно говоря, по Дарвину, тогда как вертикальное — с принципом Дана — цефализацией. И между формами/структурами, самостоятельно совершающими вертикальный прорыв в новое эволюционное качество, и формами, которые воспринимают этот опыт как внешний вызов и реагируют на него в режиме приспособительных изменений, существует качественное различие. Одно дело, к примеру, общества, сами совершившие прорыв к государственности, и другое — общества, которые были вынуждены принять государство как навязываемую извне форму социальной организации.

¹ Идея вертикального типа эволюции перекликается с философской концепцией *эмерджентной эволюции* с ее скачкообразным появлением новых качеств — эмерджентов — образующих, соответственно, новые уровни существования. Новые эволюционные уровни, непредсказуемые и не выводимые количественно из предшествующих им форм, возникают, согласно эмерджентной концепции, благодаря некоей устремленной к развитию нематериальной силе. В этом пункте, как впрочем, в некоторых других, смыслогенетическая теория имеет свою точку зрения.

В случае с эволюцией человека ригидность животных инстинктов, неадекватная усложняющейся когнитивности наших антропоидных предков, дала толчок вертикальному эволюционному прорыву. В результате, травмированный эволюционной болезнью (о ней и о прорыве к смыслообразованию как одновременно следствии этой болезни и способе преодоления ее нам уже приходилось писать на страницах журнала) мозг приобрел способность вырабатывать дискретные операциональные когнитивные единицы — смыслы. Начало оперирования смыслами, их комбинирование, выстраивание на их основе сложных и подвижных составных конструкторов означало рождение Культуры, эволюционно надстраивающейся над материнской биосистемой. Тот же алгоритм действует и в эволюционных переходах: от физиологии мозга к психике и от последней к ментальности.

Прогрессия вертикальных ароморфозов порождает неизбежные конфликты тела и психики, а затем психики и сознания. В обоих случаях можно говорить о драме отпадения эмансипирующейся части от материнской (суб)системной основы. В ходе этой поэтапной эмансипации общий ход эволюции все меньше подчиняется естественным законам, регулирующим биологическую природу человека и природные основы социальной самоорганизации, и все больше — законам самой Культуры, что придает эволюции нелинейный характер. Выражается он в том, что законы биоэволюции никогда полностью не растворяются в законах эволюции культурной² и не поглощаются ими. В определенные исторические моменты законы биоэволюции выходят из тени и зримо корректируют или даже направляют культурно-историческую динамику. В некоторых случаях возникающая при этом “турбулентность” оборачивается острейшими коллизиями. Так, усиление левополушарной когнитивности, проходившее в режиме имманентной эволюции мозга и затем психики, вызывало у архаического человека постоянную фрустрацию, провоцируя искусственные действия по нейтрализации этого процесса. В широкой перспективе культурная корректировка биоэволюционных процессов обречивалась фактором культурно-исторической эволюции.

Таким образом, в истории постоянно происходит борьба естественных и искусственных законов (конвенциональных культурных норм) организации жизни. В ранней истории естественные законы царили практически безраздельно. Далее значение искусственных законов возрастает, и Культура все более строит себя сама, отклоняя, переламывая или существенно корректируя естественные регулятивы. В общеэволюционной перспективе биокультурный дуализм, выступающий источником культурной динамики и самоопределения субъектности человека и самой Культуры в их диалоге со своими биологическими основаниями, относится к разряду неразрешимых проблем.

² Многие авторы приравнивают культурно-историческую эволюцию к социальной, упуская из виду, что социальность имеет место и в животном мире и отождествление феномена социальной исключительности с человеком давно стало анахронизмом. Во избежание путаницы буду называть антропный (постприродный) отрезок глобальной эволюции не социальной, а культурной или культурно-исторической эволюцией.

Есть еще один аспект, в отношении которого можно говорить о раздвоении общеэволюционного процесса и, соответственно, дифференциации расплывчатого термина “социокультурная эволюция”. Речь идет о скоррелированных, но имеющих каждая свой собственный источник развития эволюционных линиях: *социальной и ментальной*.

Эволюционные теории, в центре внимания которых находится социо- и политогенез, ресурсы, производство и технологическая оснастка цивилизаций, как правило, не видят человеческого измерения эволюции³. Человек в таких теориях выступает пассивным объектом воздействия калейдоскопически изменчивого набора внешних факторов, сам при этом оставаясь, по сути, статичной единицей анализа с “универсальным” набором атрибутов, количественно изменяемых в ходе истории и описываемых, главным образом, в параметрах производительности труда, потребления, распределения, технологической сложности. Исследователи не то чтобы прямо заявляют, что человек не имеет отношения к развитию культурогенных факторов эволюции, но молчаливо это подразумевают. К примеру, демографический фактор обычно подается как данность, совершенно независимая от человеческой субъективности, вернее, от культурных и ментальных обстоятельств, эту субъективность определяющих.

Разумеется, ментальная конституция эволюционирует не без воздействия внешних обстоятельств, но корень ее эволюции эндогенен и от внешних факторов не зависит, как не зависит от них, к примеру, смена возрастных стадий организма. Внешние факторы определяют лишь фенотипическое исполнение имплицитного структурообразующего принципа.

Следует также помнить о разнице в масштабах между локальными линиями эволюции и их глобальной равнодействующей. На локальных уровнях ни сквозная трансисторическая кумуляция каких-либо эволюционных критериев, ни универсальные функциональные зависимости вообще не просматриваются: в любом обществе генеральные тренды всегда рано или поздно заходят в тупик, вязнут в энтропийных издержках культурного материала, срываются в деградацию, стагнацию, инволюционные сбои, архаизацию и иные формы рецессивного исторического движения. Содержание вертикальных ароморфозов обнаруживается лишь в долгой исторической перспективе.

Разделение вертикального и горизонтального типов эволюционирования позволяет по-иному взглянуть и на “проклятую проблему” детерминизма. Становится заметно, что последовательные прорывы на более высокие уровни по глобальным эволюционным векторам оказывают постоянное давление на все формы системы, понуждают их преодолевать свою природу, изменяться в сторону более высокого качества проявления каждого из названных выше четырех векторов. Это давление

³ Впадающая в противоположную крайность психоаналитическая культурология, редуцирующая культурное к психическому, стоит особняком, и ее идеи представителями других направлений обычно не учитываются.

вступает в борьбу с принципом горизонтального эволюционирования — адаптирующего и специализирующего формообразования — и в большинстве случаев ему уступает. Однако любая эволюционная форма воплощает компромисс названных сил и в той или иной мере выходит за пределы чисто адапционного морфогенеза. Огрубляя, можно сказать, что предопределенное кросс-системное содержание эволюции состоит именно в кумуляции глобальных эволюционных векторов, но вот конкретные формы этой кумуляции определяются уже на локальных уровнях и зависят от конкретных обстоятельств, которые можно назвать эволюционным контекстом.

Так, в антропогенезе давление глобальных эволюционных векторов на наименее специализированные виды не могло не вытолкнуть гоминид в режим вертикального эволюционирования, что определило фарватер их развития на протяжении, по меньшей мере, нескольких миллионов лет. Но общая направленность вертикального эволюционирования никоим образом не выводится из конкретики локальных эволюционных обстоятельств в каждой отдельно взятой временной точке. Изначально давление ГЭВ осуществляется в виде бурного дивергентного развития, продвигается широким фронтом и порождает ветвистый куст разнообразных эволюционных линий. Но постепенно их вертикальная устремленность тормозится и гасится “перпендикулярной” силой адапциогенеза (горизонтальной эволюцией), и большинство этих линий рано или поздно заходят в тупик. Можно сказать, что вертикальный вектор рано или поздно вязнет в материале, который “стремится” свести свое дальнейшее развитие к адаптации и специализирующему приспособлению к среде. Поэтому фронт вертикальной эволюции продвигается по принципу воронки: первоначальное разнообразие форм схлопывается до узкого магистрального перехода к следующему эволюционному уровню.

В антропогенезе это можно проиллюстрировать на примере цефализации — стержневого показателя вертикального морфогенеза. У *Homo habilis* объем мозга варьируется широко: от 500 до 800 см³. Но на следующую ступень вертикальной эволюции прорываются только носители самого большого мозга, и у архантропов он в некоторых случаях превышает 900 см³.

Так от пышного куста со временем остается сперва несколько упрямо тянущихся вверх веточек, а в конце концов — одна. Остальные либо вовсе отсыхают, либо маргинализуются. Такой вертикальной веточкой эволюции в нашем случае оказался прогрессивный вид африканских сапиенсов, вышедший из небольшой “популяции Евы”. Какой-то из видов гоминид в русле вертикального прорыва ГЭВ непременно должен был “вырваться из природы”, но то, что на финишной прямой оказались именно сапиенсы, было не заранее предопределено мистическим провидением, а вызвано стечением широкого ряда факторов в ряду локальных эволюционных контекстов.

Степень и характер вовлеченности форм в вертикальное эволюционирование напрямую зависит от способности структур к *дискретизации*. Дискретизация снижает внутрискруктурные функциональные связи и увеличивает комбинаторные возможности освобождающихся от этих связей элементов. Формы-носители нового уровня системной сложности всегда минимально специализированны, и это неудивительно. Высокоспециализированную форму невозможно “вытолкнуть” из узкой эволюционной ниши: в ситуации критического давления средовых факторов узко и высоко специализированные формы просто гибнут, что регулярно и происходит с “отличниками” горизонтальной эволюции. А вот ее минимально специализированные маргиналы при определенном стечении обстоятельств оказываются в авангарде вертикальной (магистральной) эволюции. Классический пример — приматы, чья неспециализированность послужила пропуском в транссистемный вертикально-эволюционный прорыв, приведший в итоге к появлению человека.

В горизонтальной эволюции функциональные изменения, как правило, предшествуют структурным, в вертикальной — наоборот. Поэтому рост системной сложности вертикально эволюционирующих форм всегда опережает их функциональную специализацию. Носители нового системного качества живут, как бы опережая свое время, что создает для них множество проблем. Этим и объясняется часто наблюдаемый в культурах эффект, когда те или иные инновации, порожденные более высоким уровнем системной сложности, в “отстающей” окружающей среде оказываются неэффективными и невостребованными. Однако примечательна устремленность, с которой культурное сознание совершенствует и внедряет системные инновации, несмотря на их очевидную на первых порах неэффективность. Так, первые образцы огнестрельного оружия во всем уступали луку, но это не заставило отказаться от их совершенствования. И подобные примеры можно множить до бесконечности. Внутренняя мотивация к наращиванию системной сложности как таковой оказывается сильнее не только принципа эффективности, но даже и принципа удовольствия. Достижение нового уровня системной сложности самоценно и не требует специальных обоснований, поскольку устремленность к нему коренится не в психологемах сознания, а гораздо глубже. Она обусловлена перманентным давлением ГЭВ и потому априорна, императивна и бессознательна. Вектор ее не только не совпадает с горизонтальным адаптационезом, но и полемизирует с ним, что порождает в культурах мучительные коллизии между вертикальными “революциями духа” и горизонтальными стратегиями приспособленчества. При этом носители нового качества системной сложности всегда так или иначе принуждены решать и задачи адаптации, но для них выживание не столько самоцель, сколько необхо-

димое условие реализации нового уровня системной сложности.

Когда пионерами нового уровня системно-сложностных форм выступают носители архаического сознания, то в их мифологическом мире причины, понуждающие жить и действовать не в соответствии с понятными принципами приспособления, могут корениться только в непостижимой и неодолимой воле высших запредельных сил. С каждым шагом исторической эволюции эти причины все отчетливее выкристаллизовываются из смутных мистических интуиций и рефлексированы, устремляясь к оформлению в религиозно-мировоззренческих доктринах. Фундаментальный прорыв осмысления системно-сложностных ароморфозов сопряжен с феноменом дуалистической революции, о котором мы также писали на страницах журнала, и с формированием концепта будущего в оптике эсхатологической перспективы. Отсюда же проистекает и психологическая установка *служения* как фундаментального способа культурной самореализации. Содержание служения, разумеется, может не иметь никакого отношения к увеличению системной сложности (часто как раз наоборот), но сама психологема принесения в жертву индивидуальных и даже групповых приспособительных интересов и самого выживания ради “торжества идеи” порождена психическим режимом вертикального эволюционирования. Этот тренд, или, скромно говоря, сквозная тенденция к неуклонному наращиванию уровней системной сложности (именно системной сложности, а не сложности специализаций!) можно, по-видимому, связать с почти одиозным понятием *прогресса*, которое в дискурсе эмпирических исследований оказалось безнадежно дискредитировано.

Какова же корреляция между системной и специализирующей сложностью? Можно ли бесконечно увеличивать сложность специализаций при сохранении имеющегося уровня общей сложности системы? Корреляция, разумеется, есть, ее просто не может не быть. Здесь напрашивается аналогия с компьютером. Сложность программ не может бесконечно увеличиваться, если сложность оболочки всей операционной системы остается неизменной. Рано или поздно наступает момент, когда системная сложность операционной системы должна выйти на следующий уровень, причем, не только для организации работы программ с уже достигнутым уровнем специализации, но и как бы “на вырост” — с учетом наращивания специализирующей сложности в будущем. Именно так обстоит дело и в эволюции культуры, где роль операционной системы выполняет ментальная конституция. Сквозной тренд наращивания системной сложности в культурах — это, прежде всего, тренд скачкового наращивания ментальных слоев, каждый из которых представляет собой относительно автономную “операционную систему” со своими “служебными” и разнообразно специализированными программами. Но, в отличие от ком-

пьютера, ментальная сфера не форматируется, подобно жесткому диску. Ментальные слои исторически “устанавливаются” один поверх другого и образуют многомерную амальгаму внутренних связей, и потому отношения системной и специализирующей сложности в культурах прослеживаются далеко не так просто, как в компьютере. “Операционные системы” ментальности не просто соседствуют друг с другом под одной оболочкой, они соперничают и борются между собой, что порождает в культурах острейшие внутренние противоречия. Так, новая система, рожденная вертикальным ароморфозом “на вырост”, как правило, оказывается плохо “притертой” к условиям материнской системы, и на ранних этапах их коэволюции неспециализированный универсализм новообразованной системы неизменно проигрывает высоко специализированному “примитиву” материнской. По мере того, как новая система развивает собственные специализации, ситуация выравнивается и рано или поздно дело доходит до полярной смены диспозиции и заката материнской системы. При этом если сложность специализаций может при соответствующих исторических обстоятельствах инволюционно деградировать, то рост системной сложности нередуцируем, а в большой исторической перспективе — необратим и в этом смысле может служить социокультурным аналогом закона необратимости эволюции Долло.

Общая сложность всякой структуры/системы складывается из сложности самих входящих в нее элементов и сложности установленных между ними связей. Это различие обычно нивелируется обобщенным взглядом, приблизительно устанавливающим на глазок “общий уровень” сложности. Но различие тем не менее есть, и существенное. Разрыв между уровнями сложности не может превышать некой критической величины, иначе структура просто разрушается. Но в допустимом диапазоне соотношения сложности элементов и сложности связей могут достаточно широко варьироваться.

В русле нашей темы было бы особенно интересно выделить три типа структурной самоорганизации: *моноцентрический*, *полицентрический* и *сетевой*. Под центром здесь понимается не просто локальная концентрация политических (властных), административных, управленческих, религиозных или каких-либо иных социально-организационных функций. Центр — это не пространственный топос, а средоточие базовых интенций и устойчивых смысловых конструкторов, образующих исторический генокод для данной локальной культурной системы. Иное дело, что в своем эмпирическом воплощении центр стремится закрепиться в оптимальных для себя социальных, институциональных и семантических формах (включая разнообразие виды символизаций), смысловых диспозициях, а также в наиболее подходящих точках пространства. Напомню, что центр отличается от других элементов структуры способностью не только аккумулировать интенциональные потоки и выполнять

транслируемые ими функции, но и, качественно трансформируя эти потоки, направлять их вовне и оказывать тем самым индуцирующие и регулирующие воздействия на элементы структуры. Характер (но не содержание) этих воздействий определяется, главным образом, двумя факторами: структурной сложностью центра и его интенционально-энергетическим потенциалом.

В каждой локальной культурной системе присутствуют все три типа, но доминирует всегда какой-то один. Между названными типами не существует стадияльной иерархии: каждый по своему оптимален для соответствующей системы. Не бывает между ними и плавных количественных переходов — один тип не вырастает из другого. Условием перехода от одного структурного типа к другому выступает глубокая деконструкция целого: кардинальное упрощение (дробление, “развинчивание”) структурных элементов, упрощение сложившихся между ними связей и затем реализация нового “принципа сборки”.

Моноцентрический тип структурообразования подразумевает способность единого центра, расширяя поле своих организующих функций, сохранять синкретический тип сложности. Дифференцирующая специализация центра неизбежно приводит к его дезинтеграции, размыванию и утрате доминантного положения. Не случайно в социоцентрических обществах авторитарного (с монархической формой правления или его аналогами) и в особенности имперского типа самонастройка культуры блокирует дифференциацию функций персон или институтов, репрезентирующих центр. Так, собственноручное занятие письмом в ряде традиций считалось “не царским делом”, а имперские столицы никогда не выделяли и не выносили за свои пределы специализированные структуры, жертвуя при этом любыми рациональными резонами. Последние подталкивают столицу-мегаполис к разгрузке, к вынесению вовне структур, самостоятельно выполняющих определенные наборы функций, и общества, не боящиеся усиления полицентризма, на это идут. Но моноцентристская установка сохраняет синкретическую сложность центра любой ценой. Обычно это кончается неконтролируемым распадом “перегретого” центра и децентрализацией всей системы. Именно так — наращивание синкретической сложности единого центра не переходит плавно в полицентризм, расслоение моноцентра всегда деструктивно. Отсюда стремление моноцентрических локальных культурных систем бесконечно удерживать синкретичность/сакральность репрезентируемых центром базовых оснований, ядерных смыслов и ценностей. Отсюда и болезненная неприязнь к любого рода рефлексиям и рационализациям — вернейшим признакам расслоения интуитивно схватываемой синкретичности.

Неизбывное противоречие между адаптацией и самосохранением выражается в рассогласовании типов сложности центра

и периферии. Инертный центр удерживает меру синкретизма, полученную при рождении системы в результате вертикального ароморфоза, и потому структурный принцип здесь господствует над функциональным. Сдерживаемая ригидной структурой полифункциональность развивается преимущественно под ее синкретической оболочкой. На периферии же торжествует эффект Болдуина: функциональные изменения опережают структурные. Здесь, на территории доминирования адаптивно-специализирующего (горизонтального) эволюционирования развитие новых функций стимулирует усложнение структурных связей, которое, в конечном счете, усложняет и сами элементы. В результате фронт усложнения оказывается направлен от функции к структуре и движется от периферии к центру. Не случайно в эпоху глобального кризиса I тыс. до н.э., новаторские сотериологические и близкие им мировоззрения зарождались, как правило, на периферии. Неудивительно в этой связи, что центр как элемент системы нередко оказывается менее сложен, чем периферия. Особое значение приобретает здесь отношение системного центра к материалу избыточного разнообразия, который неизменно накапливается на периферии системы, увеличивая тем самым если не актуальный, то, по меньшей мере, потенциальный уровень сложности.

Если центр настолько ригиден, что стремится любой ценой подавить избыточное разнообразие, то он тем самым блокирует потенциал развития системной сложности. В этом случае система уподобляется организму с узко специализированными функциональными органами, который оказывается совершенно беспомощен перед лицом неожиданных изменений среды. Иное дело, что локальная разблокировка может проходить явочным порядком, т.е. без санкции центра. Таким образом, например, происходила рецепция западного культурного материала в СССР, особенно в его последний период. Когда волна усложнения (во всех значениях) докатилась до центра, система умерла.

Если же центр более гибок и, сохраняя свой уровень системной сложности, готов усложнить внутрисистемные связи за счет включения в них материала периферийного разнообразия, то общий диапазон адаптационных возможностей системы повышается. Нередко тенденция к усложнению связей вопреки природе структурных элементов и “воле” центра захватывает и диссистемный материал, иницируя развитие новой, альтернативной системы внутри материнской. Такое развитие, однако, далеко не всегда завершается полным вызреванием альтернативной системы. Она может “застрять” на любом уровне развития, что порождает, если речь идет об обществе, феномен раскола. Примерами последнего в современном мире могут служить, по С. Хантингтону, Россия⁴ и Турция. Латентный же раскол, вызванный разрывом между уровнем сложности системобразующих элементов и сложностью связей, включающих

⁴ Раскол в российском обществе, без всяких, впрочем, соотнесений с Хантингтоном исследовал А.С. Ахиезер.

в себя также и диссистемный материал, наблюдается во многих обществах, и не только моноцентрических.

В структурах полицентрического типа структурная сложность центров, как правило, уступает сложности связей. Полицентричность здесь образуется за счет десинкретизации и дезинтеграции центра и дифференцированного распределения его функций по нескольким “филиалам”. При этом каждый из них, сохраняя реликтовую синкретическую универсальность, способен при определенных обстоятельствах воспроизвести общесистемное целое. Такими обстоятельствами могли быть перемещение из одного субцентра в другой сакральных персон, символов, институтов, изменение торговых или паломнических путей, военное и политическое соперничество, внешние вторжения и др. Функциональная взаимозаменяемость центров, отражая диффузность культурно-генетического субстрата культурной системы, присуща структурам/системам, в которых несущим каркасом выступают именно внутренние связи с присутствием им уровня и характером сложности. Такие структуры гибки, подвижны, открыты к рецепции инородного материала. Так, в полицентричной Западной Европе Темных веков одной из ключевых форм культурно-смысловых связей, сохраняющей относительную сложность, была античная традиция образования, через которую, главным образом, и начала осуществляться рецепция античного культурного гумуса. При этом сложность связей устойчиво опережала сложность структурных элементов культуры — по меньшей мере, до эпохи городской революции и наступления зрелого Средневековья.

Как и всякий тип структурообразования, полицентризм имеет и свои слабые стороны. Резкое упрощение или разрыв стандартных межэлементных связей делает структуру/систему аморфной, рыхлой, неустойчивой. В предельном случае она превращается в агрегат или конгломерат дезинтегрированных или слабо и неустойчиво связанных меж собой элементов. Такую картину можно наблюдать, например, при распаде любого рода временно интегрированных полицентричных сообществ, объединенных некими общими культурными кодами: локальных групп кочевых скотоводов или вольных городов средневековья, этнокультурных анклавов в мегаполисах или фирм и корпораций в современном мире рынка и бизнеса.

В сетевом типе структурообразования не столько элементы образуют меж собой связи, сколько сами они (элементы) представляют собой сгустки связей. Здесь “перекачивание” уровня сложности из элементов в связи достигает максимума. Наиболее гибки, подвижны, лабильны сетевые структуры с дрейфующими центрами или вовсе без таковых. Сложность в таких структурах/системах не кристаллизуется в дискурсе Должного и его сверхценных культурных формах и символах. Такое структурообразование становится возможным за счет использования синкретической сложности элементов: ситуационно

принимая на себя те или иные функции, они сохраняют свою синкретическую неспециализированность. Специализация, разумеется, есть, и нередко весьма узкая и глубокая. Но она, в целом, обратима, и это в корне отличает сетевые структуры от центрических, где переход синкретической сложности в комплексную выступает генеральной тенденцией. Тенденция эта побеждает и становится необратимой, когда дифференцирующее комплексное усложнение проникает внутрь самих элементов структуры, меняя тем самым их онтологию.

Поясню их на примере. Чем проще организована ментальная сфера индивидуума как единичного элемента социальной структуры, тем легче культуре удастся его специализировать, “заточить” под выполнение определенных функций. Изначальным “чистым листом” здесь выступает “однослойная”, цельносинкретичная и абстрактноуниверсальная ментальность архаики. Надстраивание над ней второго структурного слоя ментальности в эпоху дуалистической революции кардинально усложнило онтологию всей ментальной сферы как целого. Одновременно и открылись новые горизонты саморелизации индивидуума в культуре, и развернулась новая номенклатура специализаций, основанных на парадигме *служения*. Последняя явилась синкретической психологемой, определяющей идентичность постселевого человека. В ее сложностной оболочке развивалось пространство паллиативов между свободными альтернативами самореализации и жестким детерминизмом специализаций. На одном полюсе был, условно говоря, Конфуций, понимающий, что “благородный муж не подобен вещи”, но служащий идее “исправления имен” и возврата к правильному порядку вещей древних династий. На другом полюсе — рядовой солдат бесконечной войны с Мировым Злом (Хаосом, Врагом и т.п.), служащий соответствующей инстанции, репрезентирующей Должное и Благо: царю, родине, городу, богу и т.п. Причем служение осуществляется не по собственному выбору, а в соответствии с навязанной культурой специализацией.

При таком положении дел нарастающая комплексная (дифференцированная) сложность ментальности индивидуума как элемента социокультурной структуры/системы опережает, особенно в центрических образованиях, усложнение системы связей. Увеличение разрыва порождает напряжение в системе, ответом на которое выступает ее кардинальная трансформация. Ментальность как структурный элемент системы претерпевает вторичное упрощение и своего рода “неосинкретизацию”, а “точки роста” перемещаются в систему межэлементных связей. Исторически такое состояние наблюдается, например, в Европе на стыке поздней античности и Темных веков. Но поскольку рост числа и усложнение общесистемных и функциональных связей не может не коррелировать с онтологией элементов, усложняется и она. Ментальная структура становится трехслойной. Этот шаг к “новому универсализму” порождает менталь-

ный и социокультурный тип новоевропейской личности и инициирует полемику между парадигмой служения и становящимся принципом свободной самореализации. Социологическим планом этой полемики явился контрапункт свободной творческой личности и “одномерного” массового человека.

Глобальный культурно-антропологический кризис современности обнаружил исчерпанность эволюционного развития в прежних диспозициях сложности элементов и связей, и тенденция к отказу от центральных структур в пользу сетевых определенно устремлена к новому универсализму. Уже явился новый культурно-антропологический тип, не идентифицирующий себя “намертво” с теми или иными социокультурными функциями или с парадигмой служения, а легко дрейфующий по этим функциям, как бы пропуская их сквозь себя. Такой тип неосинкретической сложности ментальности имеет огромный потенциал “валентности” — способности и осваивать, и комбинировать функциональные специализации, не “прирастая” к ним и не сливаясь с ними, утрачивая индивидуальность. Дрейф в сложном пространстве системных связей в значительной степени снимает напряжение между принципом свободы и принципом специализации, или, по меньшей мере, находит своеобразный компромисс, возможный, напомним, лишь при условии неосинкретического характера ментальной сложности. Десинкретизация ментальности и дифференцирование ее функций делает актуальным выделение и усиление центра⁵ как инструмента вторичной интеграции обособившихся форм и связей. Это происходило в истории неоднократно, но сейчас, похоже, главные тенденции направлены в противоположную сторону.

Дифференцирование эпистемы сложности, даже по одному из приведенных выше оснований, опровергает расхожий тезис о том, что одним из сквозных трендов социокультурной эволюции является наращивание интеллектуальной мощи. Земледельцы далеко не всегда “интеллектуальнее” охотников и собирателей: просто между этими двумя типами интеллекта по сумме их системно-сложностных характеристик существуют качественные различия. Их игнорирование в принудительном обобщении размывает и обесмысливает критерий интеллектуального развития вообще. Впрочем, без уточнения того, о каком типе сложности идет речь, “подвисают” и многие другие кажущиеся самоочевидными критерии. Определение некоего обобщенного уровня сложности, который “на глазок” складывается из разнородных и несоизмеримых меж собой явлений, проблематично даже для факторного анализа с его “ползучим эмпиризмом”.

Приведенные выше заметки не претендуют, однако, на роль методологического руководства по “окончательному” решению проблемы сложности. Это всего лишь начало большой и, простите за каламбур, сложной работы по выработке новой эпистемологии для изучения культур.

⁵ Эти процессы, как правило, сопровождаются сакрализацией, стремлением психологически привязаться к метафизически понимаемому онтологизму.